

24 июля (6 августа)

Священномученик
Николай Понгильский

Священномученик Николай родился 20 января 1879 года в погосте Каряеве Угличского уезда Ярославской губернии в семье священника Николая Понгильского. По окончании Угличского духовного училища и Ярославской духовной семинарии Николай был назначен псаломщиком в храм Спаса Нерукотворного Образа в селе Спасском-на-Волге Рыбинского уезда¹. В 1907 году он был рукоположен во священника ко храму в селе Ильинском, в 1910-м – переведен в церковь во имя иконы Пресвятой Богородицы «Всех скорбящих Радость» в городе Рыбинске. В 1916 году отец Николай был командирован на фронт священником при 2-м лазарете 44-й пехотной дивизии, а по окончании военных действий, 11 января 1918 года, вернулся служить в тот же храм; здесь он прослужил до своего ареста в 1927 году.

В те годы ОГПУ уже имело обширную сеть секретных осведомителей и активно пользовалось ими для сбора сведений перед проведением арестов. В июне 1927 года Ярославское ОГПУ на основании сообщений осведомителей арестовало четырех священнослужителей, трех бывших околоточных надзирателей и инструктора спорта при заводе. Следователь ОГПУ писал, что «дело возникло в результате поступивших в городской отдел ОГПУ сведений», что обвиняемые «в частных беседах, на собраниях и с церковного амвона распространяют провокационные слухи в связи с китайской революцией и разрывом дипломатических отношений с Англией».

Священник Николай Понгильский был арестован 11 июня 1927 года. Рассмотрев имеющиеся на него донесения секретных осведомителей и немного побеседовав с ним, начальник секретного отделения Ярославского ОГПУ счел это достаточным, чтобы привлечь священника «к ответственности в качестве обвиняемого, заключив под стражу в каземате городского отдела ОГПУ». 13 июня отец Николай был допрошен.

– Не выступали ли вы когда-либо в проповедях или в частном разговоре против советской власти в целом или ее отдельных мероприятий? – спросил его следователь.

– Не выступал, – ответил священник.

– Каковы ваши личные взгляды на советскую власть?

– Как христианин подчиняюсь советской власти.

29 июня отца Николая допросил начальник секретного отделения, который задал ему дополнительно ряд вопросов, в основном интересуясь, что он думает об отношении советской власти к обновленцам.

Отвечая на его вопросы, священник сказал: «О том, что советская власть потворствует обновленцам, я никогда и нигде не говорил. Против обновленцев я также никогда не выступал, почему и не мог говорить о том, что власть потворствует им. О том, что незаконно передаются храмы от тихоновцев обновленцам, я также никому не говорил. Обязанности благочинного я выполнял вплоть до ареста, причем личных распоряжений от своего имени я по своему

округу не рассылал, все распоряжения исходили от викарного епископа^а или управляющего епархией, хотя и рассылались за моей подписью. Являясь благочинным 1-го округа Рыбинского уезда, я был лишь старшим среди духовенства своего округа; о том, что рыбинским духовенством допускались в проповедях выступления против советской власти – мне не было известно...»

Расследование показало несостоятельность обвинений, и 18 июля 1927 года ОГПУ распорядилось освободить обвиняемых. После освобождения отец Николай вернулся к служению в своем храме и исполнению обязанностей благочинного.

В 1929 году власти приступили к проведению в Ярославской области широкомасштабной кампании по закрытию церквей и передаче части из них обновленцам. 26 марта 1929 года был расторгнут договор с православной общиной Георгиевской церкви в городе Рыбинске, одновременно отобран Спасский собор, принадлежавший обновленцам, которые сразу же после этого подали ходатайство о передаче им православной Георгиевской церкви. 7 апреля 1929 года это ходатайство было удовлетворено, и 15 апреля представители власти явились вместе с обновленцами для передачи им храма. Собравшийся в храме народ плотным кольцом окружил обновленцев и представителей власти, протестуя против передачи; спасаясь от толпы, пришедшие скрылись в алтаре, где находились до прибытия милиции. Передача храма обновленцам была на время отложена.

ОГПУ приступило к расследованию инцидента; в первую очередь были арестованы некоторые из присутствовавших в тот день в храме прихожан. После их допросов ОГПУ арестовало двух священников, диакона, псаломщика и председателя церковного совета. Всех обвинили в подстрекательстве к беспорядкам, в результате которых представители власти были помяты и испачканы, причем у одного из них была вырвана из кармана кепка, а обновленцы избиты.

«Арест перечисленных лиц, – писал начальник отдела ОГПУ, – и другие мероприятия чисто чекистского характера, облегчив дело передачи, одновременно создадут благоприятную атмосферу, почву для развития обновленчества, частично подготовленную нами путем дискредитирования отдельных руководителей тихоновского лагеря (благочинного Понгильского) <...>, отбор Воздвиженского храма нами мыслится произвести через 2–3 недели после ареста церковников Георгиевской общины, дабы, сохранив разрыв во времени, не создать впечатление административного нажима на Церковь, чему должно способствовать долгое прохождение в разных инстанциях вопроса закрытия упомянутого храма...»

Сотрудники ОГПУ завели агентурное дело и для его наполнения привлекли осведомителей, собирая через них материалы для последующих арестов духовенства Ярославской области. 31 июля 1929 года уполномоченный СО ПП ОГПУ по Ивановской Промышленной области составил обзор этих материалов, а также результатов наружного наблюдения.

Подводя итоги, уполномоченный написал: «На основании изложенного и принимая во внимание возросшую активность церковников на территории области <...>, полагал бы: собранные разработкой материалы реализовать следствием, предварительно произведя обыски и аресты».

Для начала было решено арестовать: по Ярославскому округу – епископа,

^а В то время им был епископ Вениамин (в миру Василий Константинович Воскресенский), священномученик; память 22 сентября / 5 октября.

семерых священников и двух мирян; по Кинешемскому – епископа, четырех священников и одного мирянина; по Александровскому – пятерых священников и двух мирян. Впоследствии число арестованных дошло до тридцати семи человек. Среди них 18 сентября 1929 года был арестован священник Николай Понгильский. Основным материалом для его обвинения явились найденные у него церковные документы: копия доклада архиепископа Варлаама (Ряшенцева) на имя митрополита Сергия (Страгородского) и ответ митрополита, письма епископов Серафима (Самойловича)^а и Вениамина (Воскресенского), которые были квалифицированы следователями ОГПУ «как уличающие <...> в антисоветской агитации и организованной связи».

На следующий день следователь допросил отца Николая, который, отвечая на его вопросы, сказал, что не признает себя виновным, если не считать преступлением, что он ежемесячно посылал деньги находящимся в ссылке епископам — Рыбинскому Вениамину (Воскресенскому) и Угличскому Серафиму (Самойловичу).

3 октября следователь предъявил отцу Николаю обвинение в том, что он «совместно с другими лицами, используя религиозные предрассудки... верующих, вел организованную работу и агитацию, направленную к подрыву и ослаблению советской власти».

В тот же день следователь допросил священника. «В предъявленном мне обвинении, – сказал отец Николай, – не признаю себя виновным <...>. Большинство <...> денег принадлежит не мне лично, а собраны на епархиальные нужды и на помощь высланному епископу Вениамину. Деньги эти собирались с общин <...>. В этом я ничего не видел направленного против советской власти <...>. Относительно моей связи с Ярославлем, то да, я там бываю. Там служит мой брат, священник Понгильский. Бывал я также как благочинный и у архиереев. На собрания меня в Ярославль никто не приглашал и я на собраниях, где бы обсуждались церковные вопросы, не бывал <...>. Относительно происшедших беспорядков в рыбинском Георгиевском храме при передаче его обновленцам я могу лишь сказать одно, что я в это дело не вмешивался <...>. Происшедший конфликт я считаю выражением возмущения верующих поведением... обновленцев».

8 ноября 1929 года уполномоченный СО ПП ОГПУ по Ивановской области составил обвинительное заключение, в котором Церковь выставлялась антисоветской организацией. Едва ли не главным антисоветским документом явилось изъятое при обыске у отца Николая и приобщенное к делу в качестве вещественного доказательства письмо епископа Рыбинского Вениамина, в котором тот делал попытку осмыслить церковные события последнего времени в общем контексте церковной истории².

Священник Николай Понгильский был обвинен в том, что при передаче Георгиевской церкви обновленцам «как благочинный города Рыбинска <...> не принял мер для предотвращения эксцесса, а еще и в том, что, являясь благочинным, организовал денежный сбор с религиозных общин, направляя эти деньги ссыльному епископу Вениамину Воскресенскому...».

3 января 1930 года Коллегия ОГПУ приговорила отца Николая к пяти годам заключения в концлагерь, и он был отправлен в Сибирь. Вернувшись из заключения, отец Николай стал служить в Христорождественской церкви в селе

^а Священномученик Серафим (в миру Семен Николаевич Самойлович), архиепископ Угличский, викарий Ярославской епархии; память 22 октября / 4 ноября.

Большое Титовское Тутаевского района.

В 1940 году в этом районе началось строительство узкоколейки для разработки торфяников; на ее прокладку сгонялись не только местные жители, но и население из других мест; зачастую это была комсомольская молодежь. В дом, где жил отец Николай, были поселены девушки-комсомолки, и одна из них, враждебно настроенная к Церкви, оклеветала его. Как-то утром она долго пудрила нос, и отец Николай, глядя на нее, пошутил, что слышал, будто комсомольцы не умываются. 28 октября 1940 года отец Николай был арестован и на следующий день допрошен. Он не признал себя виновным; на зачитанные ему показания свидетелей отвечал, что эти показания отрицает, и если свидетели дали их, то, вероятно, только после запугивания. Допросы продолжались несколько суток и проходили в основном ночью. На всех допросах отец Николай отверг предъявлявшиеся ему обвинения.

11 января 1941 года в Ярославском суде состоялось закрытое слушание дела. Помощник областного прокурора в конце слушания заявил, что считает священника социально опасным и просит при вынесении ему приговора определить максимальный срок наказания. После него выступил защитник, который, подтвердив, что вина священника доказана, просил смягчить ему меру наказания, поскольку тот политически не образован.

Суд приговорил отца Николая к максимальному сроку заключения – десяти годам с последующим поражением в правах на пять лет.

16 января отец Николай направил из ярославской тюрьмы в Судебную коллегия по уголовным делам Верховного суда РСФСР кассационную жалобу, в которой писал: «Не признавая себя виновным, <...> я считаю приговор чрезмерно жестоким. По показанию <...> свидетельницы <...>, выражавшей ранее ненависть к духовенству <...>, она пристрастно исказила <...> единственный случай, имевший место шутки, во время чаепития в квартире моей домохозяйки <...>, когда я <...> произнес фразу, что я слышал, будто комсомольцы не умываются <...>, я не могу согласиться с формулировкой, объявленной мне в обвинении и тем более в приговоре <...>. Прошу Верховный суд отменить жестокий приговор».

12 февраля 1941 года Судебная коллегия, рассмотрев жалобу священника, определила: «приговор суда оставить в силе, а жалобу осужденного Понгильского оставить без удовлетворения».

Священник Николай Понгильский скончался 6 августа 1942 года в исправительно-трудовой колонии в Ярославле и был погребен в неизвестной могиле.

Игумен Дамаскин (Орловский)

«Жития новомучеников и исповедников Церкви Русской. Июль. Ч.2»
Тверь. 2016. С. 5–13

Примечания

¹ Ныне село Спасс Рыбинского района Ярославской области.

² «Говорят: возможно разделение гражданского элемента от религиозного. Это или заблуждение, или софизм.

Социализм в отвлеченном представлении есть чисто экономическая система. Многие поэтому думают, что экономическую жизнь можно построить, совершенно не касаясь религии. В одном и том же обществе могут существовать – религия сама по себе, а экономическое построение само по себе. В продолжении своем эта мысль будет говорить, что один и тот же человек правой рукой

может делать религиозные дела, а левой, независимо от правой, – экономические, разрабатывать чисто экономическую сферу жизни по желанию, по самым разнообразным системам. Такое представление основывается на другом представлении, что душа человека свободно делится на две сферы. В одной человек живет в Боге и религии, в другой – с одним только миром: гражданским, светским, земным. В последней части религия не требуется. Обе части живут параллельно, но и могут обходиться одна без другой. Представление о таких двух существованиях в душе – религиозном и безрелигиозном – в основе своей неверно. Этот параллелизм и раздельность двух существований – в абстракции. Реально конкретно его нет и быть не может. Для верующего, для христианина это невозможно потому, что к нему идет требование Христа – „возлюбить Бога всем сердцем, всею душою, всем разумением“ (Мф. 22, 37), „всею крепостью“ (Мк. 12, 30); не часть души, а всю душу, не духовную только, но и физическую „всю крепость“ христианин должен отдать Богу. В душе вся жизнь – и вечная, и земная. Всю жизнь: и вечную, и земную, и духовную, и материальную – должно отдать Богу. И когда будет строить жизнь земную христианин, он всюду подведет религиозную основу, всюду даст религиозное окружение, всюду включит религиозный элемент. Хотя бы имел дело с самыми материальными делами и предметами, христианин говорит: „Всё во славу Божию“. Когда будет строить жизнь неверующий, он не сможет взять лишь часть жизни для своего чисто экономического строения. Он будет стремиться взять непременно всю жизнь для безрелигиозного строения. Неверующие строители щедры на обещания полной религиозной свободы, то есть очень словоохотливо обещают предоставить некоторую часть жизни для любой религии с тем, чтобы всю остальную часть жизни занять исключительно безрелигиозным содержанием. Но такие обещания, во-первых, неприемлемы уже по самой природе своей: безрелигиозность, какая бы она ни была, неприменима для религиозности; во-вторых, эти обещания никогда не выполняются неверующими строителями жизни. Исполнение обещаний полной свободы и здесь возможно скорее только в абстракции. И религия, и атеизм в природах своих имеют одинаковые свойства – центробежную силу расширения. И религия стремится объять всю жизнь, одинаково и атеизм, даже в большей степени, стремится захватить себе жизнь. Атеизм может здесь преуспевать гораздо более, чем религия, ибо у атеизма больше средств и способов для достижения целей, нежели у религии. Религия пользуется одной лишь внутренней силой убеждения. Противно религии принуждать к религии. Для атеизма все позволено, кончая всеми видами насилия. Ими атеизм всегда и пользуется для своего распространения. Религиозная свобода поэтому наиболее представляется всегда религиозными правителями, нежели атеистами. Но представим атеистическое правительство с идеальной терпимостью к религии. Это мало изменяет дело нашего вопроса. Христианин, как и верующий всякой другой религии, никогда не может удовлетвориться и примириться с атеистическим правлением. В религии человек не изолирован от окружающей его жизни – семейной, общественной и государственной. Религия не есть отдельная клеточка при многих других клетках организма. Христианин как человек является членом семьи, общества, государства. Когда весь организм строится безрелигиозно, существенно затрагивается религиозность человека. Он знает: „Аще не Господь созиждет дом, всеу трудишася зиждущий; аще не Господь сохранит град, всеу бде стрегий“ [Пс. 126, 1]. Поэтому безрелигиозное настроение жизни, хотя бы и самое терпимое к религии, хотя бы и при самом возможном разделении материально-гражданской стороны от религиозной, принципиально не может быть приемлемо для христианина и человека всякой другой религии».